

## Французы в Москве и русские в Париже: взаимовосприятие и культурная память

Любовь Мельникова

### The French in Moscow and the Russians in Paris: mutual perception and cultural memory

Liubov Melnikova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24020087, EDN: HIPXBF

Война — это не только военные действия, политика и дипломатия. Важное место в ней занимают идеология, пропаганда и взаимные представления воюющих наций, что, несомненно, оказывает существенное влияние на отражение событий в исторической и культурной памяти народов. Так, французская исследовательница М.-П. Рэй в монографии «1814. Царь в Париже» справедливо отмечает, что военную кампанию 1814 г. невозможно отразить в полной мере без антропологического аспекта, который «долгое время недооценивали как русские, так и французские историки». «Война 1814 года, — пишет она, — была ещё и войной слов и образов, в которой важную роль сыграли идеологические послы, понятия и особенности взаимного восприятия сторон»<sup>1</sup>. Разумеется, это относится не только к кампании 1814 г., но и ко всей войне 1812–1814 гг., которую в российской историографии традиционно делят на Отечественную войну 1812 г. и Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг.

Антропологическое, или человеческое, измерение войн (прежде всего — восприятие и оценка происходившего современниками, представления противников друг о друге, информационная сторона военных конфликтов) в последнее время становится сравнительно новым, перспективным направлением исторической науки как в России, так и в Западной Европе. В частности, историко-антропологический подход с успехом применяется во Франции к изучению Первой мировой войны 1914–1918 гг., в России он обретает всё большую популярность при анализе истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В историографии войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. также существует ряд работ с использованием военной исторической антропологии, в которых акцент делается на восприятие противника. Большая часть из них посвящена изучению формирования представлений о русских и России во французском и шире — европейском обществе. Среди авторов наиболее значимых исследований на эту тему следует выделить Н.В. Промыслова, проанализировавшего французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 г., а также роль наполеоновской пропаганды в формировании исторической памяти об этом важнейшем собы-

---

© 2024 г. Л.В. Мельникова

<sup>1</sup> Рэй М.-П. 1814. Царь в Париже / [Пер. с франц. А.Ю. Терещенко]. М., 2017. С. 12.

тии русской и европейской истории<sup>2</sup>; А.В. Гладышева, показавшего участие казаков в военной кампании 1814 г. и их восприятие гражданским населением Франции<sup>3</sup>; М.-П. Рэй, рассказавшую о пребывании русской армии в Париже в 1814 г.<sup>4</sup>; а также А.А. Постникову, исследовавшую процесс формирования исторической памяти о войне 1812 г. в европейских национальных традициях<sup>5</sup>. Гораздо менее изучено восприятие Франции и французов русскими участниками военной кампании 1814 г.<sup>6</sup>

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы провести сравнительный анализ восприятия русскими и французами друг друга в ходе войны 1812 г. и военной кампании во Франции 1814 г., а также проследить, каким образом и в какой мере эти масштабные контакты повлияли на трансформацию у представителей противоборствующих сторон прежних стереотипных представлений о стране-противнике.

Итак, в ходе войны 1812–1814 гг., когда наполеоновская армия, пройдя пол-России, побывала в Москве, а затем русская армия, прошагав пол-Европы, вошла в Париж, противники получили уникальную возможность в массовом порядке познакомиться с российской и французской действительностью, а также сравнить увиденное с имевшимися у них прежде ожиданиями и представлениями. Это не только нашло отражение в огромном количестве писем, дневников и мемуаров, но и вылилось на страницы французской и российской периодической печати того времени. Конечно, прямые контакты между Россией и Францией существовали и прежде, однако они были достаточно фрагментарными. В XVIII – начале XIX в. Россию посещали в основном французские путешественники, торговцы и дипломаты. Их впечатления стали основой для формирования довоенного образа России во Франции. Согласно стереотипным представлениям французского общества рубежа XVIII–XIX вв., Россия являлась азиатской державой, населённой полуварварами и далеко отстоящей от ценностей европейской цивилизации. Британский историк А. Форрест пишет, что французские путешественники, побывавшие в России, «часто подчёркивали азиатский облик городской архитектуры, нищету жизни обычных русских, неизбежную суровость стихий, жестокость телесных наказаний, “рабство” и “варварство” крепостного права. В их описаниях Россия отнюдь не была просвещённой или цивилизованной — она представляла жестоким, диким обществом, отрицавшем те самые ценности, на которых строилась “цивилиза-

---

<sup>2</sup> *Промыслов Н.В.* Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М., 2016.

<sup>3</sup> *Гладышев А.В.* 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М., 2019.

<sup>4</sup> *Рэй М.-П.* 1814. Царь в Париже.

<sup>5</sup> *Постникова А.А.* Русская кампания Наполеона: история «европейского мифа». Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2022.

<sup>6</sup> Среди немногочисленных работ на эту тему см., например: *Губина М.В.* Образы противников в восприятии покорителей Европы (1805–1812) // Французский ежегодник. 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 252–264; *Мельникова Л.В.* Франция и французы глазами русских участников военной кампании 1814 г. // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 25–26 марта 2014 г.). М., 2014. С. 116–124; *Мельникова Л.В.* «La belle France?»: трансформация образа Франции в представлениях русского дворянства во время военной кампании 1814 года // Всегда оставался верен себе. Сборник памяти доктора исторических наук Станислава Васильевича Тютюкина. М., 2021. С. 133–145.

ция» в понимании Запада»<sup>7</sup>. Неким «культурным оазисом» в записках французов представал Санкт-Петербург, элита которого проникалась западным духом и говорила на французском языке, однако и столица Российской империи, по мнению многих, находилась ещё «на полпути между цивилизацией и варварством»<sup>8</sup>. Так, посол Франции в России гр. Л.-Ф. де Сегюр, приехав в Санкт-Петербург в 1784 г., сказал, что «речь идёт о запутанном сочетании десятого века с восемнадцатым, азиатских манер с западноевропейскими»<sup>9</sup>.

Французская революция 1789 г. и успехи России на международной арене конца XVIII в. (особенно её участие во Второй антифранцузской коалиции 1798 г.) привели к тому, что к усилению негативного образа России подключилась французская пропаганда, чётко противопоставлявшая «цивилизованную Европу» и «варварскую Россию». Победы А.В. Суворова в Италии трактовались как повторение древних варварских нашествий на Европу. Даже официальный «*Le Moniteur Universel*» писал о дикости и кровожадности казаков и о пьянстве Суворова, который представлялся как «невежественный и свирепый маньяк»<sup>10</sup>. «Словарь суеверий, заблуждений, предрассудков и народных традиций» А. де Шенеля гласит, что, когда Суворов появился в Швейцарии и Италии, распространился слух, будто русские «едят на обед детей, как мы едим котлеты»<sup>11</sup>. Слух о каннибализме казаков, под которыми нередко понимались не только казахи, но и вообще все русские воинские части, продержался во Франции вплоть до 1814 г.

Накануне войны 1812 г. вышел объёмный труд Ш.-Л. Лезюра «Об усилении русской мощи: от истоков до начала XIX столетия», призванный подготовить общественное мнение к предстоящей войне с Россией<sup>12</sup>. В нём развивалась мысль, что «варварская» Россия — экспансионистская держава, стремящаяся к господству на европейском континенте и представляющая собой безусловную угрозу для «цивилизованной» Европы. Поскольку текст Лезюра был ответом в том числе и на оформившийся русско-английский союз, то Франция представлялась как бескорыстная защитница интересов европейских народов не только от русского «варварства», но и от английского «монополизма». Автор предрекал, что «гений великой империи» «отомстит за все оскорбления, нанесённые цивилизованной Европе», «скоро дикие дети Севера проклянут союз с Альбионом»<sup>13</sup>.

В историографии уже обращалось внимание на то, что даже в посланиях Наполеона в Сенат в то время в адрес русских неоднократно звучало слово «варвары». В ходе кампании 1812 г. в наполеоновских бюллетенях рисовался

---

<sup>7</sup> Форрест А. Московская кампания 1812 года и создание наполеоновской легенды / [Пер. с англ. А.Ю. Терещенко] // Французский ежегодник. 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 242.

<sup>8</sup> Там же. С. 243.

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> Гладышев А.В. 1814 год... С. 14.

<sup>11</sup> Chesnel de A. Dictionnaire des superstitions, erreurs, préjugés et traditions populaires. P., 1856. P. 934 (здесь и далее перевод текстов из французских изданий мой).

<sup>12</sup> Lesur Ch.-L. Des progrès de la puissance russe: depuis son origine jusqu'au commencement du XIX-e siècle. P., 1812.

<sup>13</sup> Подробный разбор книги Ш.-Л. Лезюра см.: Трыков В.П. Образ России в книге Шарля-Луи Лезюра «Об усилении русской мощи» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 2(831). С. 230–242.

мрачный образ России, описывались варварские методы войны, подчёркивалось, что русские воюют не по правилам, а по-татарски<sup>14</sup>.

Мемуары и письма французских военных — участников Русской кампании — свидетельствуют о том, что их непосредственные контакты с русским населением в 1812 г. в значительной степени подтвердили в их глазах стереотипные довоенные представления о русском азиатском варварстве. На мой взгляд, этому способствовали прежде всего обрушившаяся на них «дубина народной войны» и в целом действительно крайне тяжёлое положение, в котором они оказались осенью—зимой 1812 г. из-за просчётов французского командования, а также благодаря применяемой русскими тактике «выжженной земли». Большую роль сыграла также разница менталитетов двух наций, непонимание ценностей и традиций русского народа.

Пренебрежительные термины «варвары» и «татары» по отношению к русским встречаются в записках многих участников похода в Россию. Так, например, накануне Бородинского сражения французы, наблюдавшие за молебном в русском лагере и слабо понимавшие происходившее, считали религиозность русского народа проявлением невежества, чувствуя себя носителями разума и цивилизации в стране варваров. Единение армии с главнокомандующим генерал<sup>15</sup> гр. Ф.-П. де Сегюр объяснял рабством солдат: «Когда русский генерал (М.И. Кутузов. — Л.М.) убедился, что его солдаты достаточно взволнованы этим необыкновенным зрелищем (Смоленской иконой Божией Матери. — Л.М.), он возвысил голос и заговорил с ними о небе — этой единственной родине, остающейся рабству! И во имя религии равенства он старался побудить этих крепостных рабов защищать имущество и жизнь своих господ... Дальше генерал указывал русским солдатам на их города, обращённые в пепел, напомнил об их жёнах и детях, говорил об их императоре и кончил призывом к благочестию, патриотизму, ко всем этим примитивным добродетелям грубых народов, находящихся ещё во власти ощущений»<sup>16</sup>. Как и другие французские мемуаристы (которые, как правило, сами относились к религии и вере более чем прохладно и отстранённо), Сегюр утверждал, что религиозность русских носила якобы в значительной степени внешний, обрядовый характер, что являлось следствием необразованности населения: «По невежеству они поклоняются образам и настолько идолопоклонники, насколько могут быть идолопоклонниками христиане, превратившие религию духа, чисто интеллектуальную и нравственную, в физическую и материальную, чтобы сделать её более доступной своему грубому и недалёкому пониманию»<sup>17</sup>. Сравнивая русский лагерь с французским, генерал Ж. Рапп писал: «У нас не было ни вдохновителей, ни проповедников, ни даже продовольствия, но мы несли наследие долгой славы, мы должны были решить, кто должен установить законы для мира: либо татары, либо мы»<sup>18</sup>.

<sup>14</sup> Гладышев А.В. 1814 год... С. 20–21.

<sup>15</sup> Здесь и далее чины французских и русских мемуаристов указаны на время описываемых событий.

<sup>16</sup> Сегюр Ф.-П. де. Поход в Россию. Мемуары адъютанта. М., 2002. С. 94.

<sup>17</sup> Там же. С. 94–95.

<sup>18</sup> Рапп J. Mémoires du général Rapp, aide de camp de Napoléon, écrits par lui-même. P., [1823]. P. 209.

Случившийся вскоре после Бородинского сражения пожар Москвы су-лейтенант граф Ц. Ложье де Белькур назвал «варварским торжеством»<sup>19</sup>, устроили его, по выражению барона Л.Ф.Ж. де Боссе, «получивилизованные варвары»<sup>20</sup>. Генерал барон Ж.-Л. Шарьер писал 27 сентября<sup>21</sup> 1812 г. из Москвы: «Русские варвары подожгли этот великолепный и очень большой город... Все жители покинули свои дома и своё состояние из-за тирании правительства, которое вынудило их бросить всё... эти жалкие варвары всё разрушили, всё сожгли и, по всей видимости, сожгут Санкт-Петербург, как только к нему подойдёт [наполеоновская] армия»<sup>22</sup>.

Сегюр, рассказывая об отказе Наполеона от идеи отменить крепостное право и опереться на восстание крестьян, отмечал: «Ведь у варварского народа и свобода варварская, необузданная, ужасная распушенность!»; потому Наполеон и «решил стараться не подымать движение, которое он не смог бы направить»<sup>23</sup>. Русских крепостных тот же Сегюр называл «отупевшими от всевозможных тягостей», что якобы позволило священникам обмануть их «своими лживыми речами»: «крестьян уверили, что мы легионы дьявола под начальством Антихриста, духи ада, вид которых вызывает ужас, что наше прикосновение оскверняет. Пленные французы заметили, что несчастные не решались пользоваться посудой, которая служила им, и что они её сохраняли для самых нечистых животных»<sup>24</sup>. И, конечно же, варварскими французы считали методы ведения русскими войны. Сегюр писал: «Помещики со своими крепостными спасаются в глубь страны, как при наступлении сильной заразы. Богатства, жилища, всё, что могло бы... послужить нам — всё это приносится в жертву. Они выдвигают между собой и нами преграду — голод, пожары и опустошение... Приходилось уже вести не войну с королями, но войну с классами, войну с партиями, войну религиозную и национальную — все войны разом»<sup>25</sup>.

Интересны впечатления французских военных от знакомства с Москвой. В многочисленных характеристиках русской первопрестольной столицы прежде всего обращает на себя внимание восприятие её французами в качестве восточного, азиатского города. Так, например, капитан Л.Э.А. де Лабом, описав панораму открывшейся ему с пригорка Москвы, сделал вывод: «Всё вместе взятое делало эту картину необычайно оригинальной и разнообразной, а большие террасы у дворцов, обелиски у городских ворот и высокие колокольни на манер минаретов — всё это напоминало, да и на самом деле представляло из себя картину одного из знаменитых городов Азии, в существование которых как-то не верится и которые, казалось бы, живут только в богатом воображении арабских поэтов»<sup>26</sup>. Ему вторил Ц. Ложье де Белькур: «Мы не устаём смотреть на огромный город с его разнообразными и причудливыми формами... дворцы с цветущими террасами, островерхие башни, бесчисленные колоколь-

<sup>19</sup> Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. В 3 ч. Ч. 1–2. М., 2012. С. 309.

<sup>20</sup> Там же. С. 288.

<sup>21</sup> Все даты, кроме специально оговорённых случаев, даются по новому стилю (григорианскому календарю).

<sup>22</sup> *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812*. P., 1913. P. 37.

<sup>23</sup> Французы в России... С. 141.

<sup>24</sup> Там же.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> Там же. С. 262–263.

ни заставляют нас думать, что мы на границе Азии»<sup>27</sup>. Открывшийся издала вид Москвы у капитана и помощника главного хирурга французской армии Д. де Ла Флиза также вызвал ассоциации с Азией: «Тысячи куполов и колоколен отражали лучи ярко блиставшего солнца. Зрелище это было так ново, что можно было вообразить себя в Азии»<sup>28</sup>. При этом в своём дальнейшем повествовании мемуарист назвал первопрестольную хоть и «дальним рубежом», но всё же Европы: «Когда я прошёлся по улицам Москвы, я нашёл, что она не походит ни на один из европейских городов. Архитектура зданий представляла смесь всевозможных стилей: татарского, китайского, индийского, византийского, греческого, итальянского, готического... Бесчисленное множество церквей представляли из себя группы колоколен, башен, башенок, куполов самых пёстрых цветов и самых разнообразных форм, красиво рисовавшихся на горизонте. Подле богатых домов вельмож странно было видеть деревянные невзрачные домишки, жилища их крепостных слуг. Такого рода контраст не встретишь в других европейских городах»<sup>29</sup>. Как справедливо заметил историк Н.В. Промыслов, представления о российской географии у французских участников войны 1812 г. были весьма приблизительными и противоречивыми; границу между Европой и Азией они чаще всего были склонны проводить либо по Днепру, либо в районе Москвы<sup>30</sup>.

Практически все французские мемуаристы отмечали обширность Москвы, её красоту и богатство; довольно часто они сравнивали древнюю столицу России с Парижем, при этом по тем или иным критериям сравнение нередко оказывалось не в пользу последнего. Например, капитан Ф.-Ш. Лист 22 сентября 1812 г. писал жене из Москвы: «Город чрезвычайно велик... Представьте себе, что Москва имеет в окружности на 3 лье больше, чем Париж, то есть 10 лье. Однако в ней столько же жителей. Я считаю, что она красивее, чем Париж. Все улицы очень широкие и удобные, а главное очень чистые»<sup>31</sup>. 29 сентября 1812 г. Борвот (имя и чин неизвестны) сообщал супруге: «Эта древняя столица Московии, столь же огромная, как Париж, если не больше его, более не существует, но является лишь тенью. Русские — великие варвары»<sup>32</sup>. Генерал Л.-Ж. Грандо называл Москву «центром российской торговли»<sup>33</sup>; Д. де Ла Флиз также отмечал, что в торговом отношении она являлась «складочным местом между западом и востоком», теперь же её «магазины, содержавшие в себе все богатства Европы и Азии, обратились в груды пепла»<sup>34</sup>. Капитан К.-Ж. Ван Бекон сетовал: «Огромные склады товаров, великолепные дворцы — всё разрушено», представление о былом богатстве Москвы, по его мнению, можно составить, например, по наличию в ней «15 тыс. магазинов, торговавших только сукном, бельём и фарфором»<sup>35</sup>. Описывая достопримечательности Москвы, главный хирург Великой армии барон Д.Ж. Ларрей обратил «особенное внимание» на больницы, которые, по его словам, «сделали бы честь самой цивилизованной

<sup>27</sup> Там же. С. 269.

<sup>28</sup> *Ла Флиз де.* Поход Наполеона в Россию в 1812 году. М., [1912]. С. 39.

<sup>29</sup> Там же. С. 41, 44.

<sup>30</sup> *Промыслов Н.В.* Французское общественное мнение о России... С. 219–220.

<sup>31</sup> *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812.* P. 27.

<sup>32</sup> *Ibid.* P. 58.

<sup>33</sup> *Ibid.* P. 39.

<sup>34</sup> *Ла Флиз де.* Поход Наполеона в Россию в 1812 году. С. 41, 44.

<sup>35</sup> *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812.* P. 49–50.



нации»<sup>36</sup>. Д. де Ла Флиз, передавший раненых «императорской гвардии» в Шереметевскую больницу, служившую прежде госпиталем для русской армии, с удовлетворением отметил, что здание представляет собой «прекрасное строение с колоннами, скорее, похожее на дворец», а палаты расположены так хорошо, «как нельзя ожидать лучше в первых европейских столицах»<sup>37</sup>.

Характеризуя Москву, французские мемуаристы, скорее всего, опирались не только на личные впечатления, но и на бюллетени Наполеона и парижскую прессу того времени, которые также писали о московском пожаре, акцентируя особое внимание на красоте и богатстве города, а главное — на ущербе, нанесённом российской экономике, что якобы должно было отбросить Россию на целое столетие назад. Так, в 20-м бюллетене Великой армии от 17 сентября 1812 г. говорилось: «Москвы, одного из самых красивых и богатых городов мира, больше не существует... Эта потеря неисчислима для России, для её торговли, для её дворянства, оставившего там всё. Цифра в несколько миллиардов не будет слишком завышенной»<sup>38</sup>. 21-й бюллетень от 20 сентября 1812 г. гласил: «В течение 19-го и 20-го числа пожары прекратились. Три четверти города сожжены, в том числе прекрасный дворец Екатерины... Мануфактуры, начавшие процветать в Москве, уничтожены. Пожар этой столицы отбросит Россию на сто лет назад»<sup>39</sup>. Эти же мысли развивала и французская публицистика. Газета «Le Moniteur Universel» разместила обзор промышленной, торговой и культурной жизни допожарной Москвы. Первопрестольная была названа в ней одним из самых великолепных после Парижа, Лондона и Константинополя городов мира и настоящей столицей России «в силу своего прекрасного местоположения» (в Петербург, «на окраину империи», резиденцию правительства перенёс якобы «недальновидный дух новаторства»); пожар Москвы, утверждалось в заметке, задержит развитие промышленности Российской империи на целое столетие<sup>40</sup>. Подобная риторика, отличавшаяся значительным преувеличением истинного положения дел, должна была показать французскому обществу, что России якобы нанесён сокрушительный удар и что победа наполеоновской армии уже близка.

В целом 1812 г. не внёс каких-либо существенных корректив в стереотипные довоенные представления французов о России. В письмах родным участники Русской кампании часто писали о чрезвычайно холодном климате, «пустынности» и бедности России. Во французской корреспонденции можно найти множество упоминаний об обмороженных и замёрзших насмерть французах. Так, маршал И. Мюрат в письмах семье отмечал, что «к такому холоду, как в этой стране, привыкнуть невозможно»<sup>41</sup>. Интендантский служащий Ф. Шартон 27 сентября 1812 г. писал матери из Москвы: «Мы находимся... в холодной стране. Я скажу вам, что буржуа одеваются в овечьи шкуры; так что вы можете судить о суровости погоды. Мы потеряли много людей в этой ужасной стране России»<sup>42</sup>. Иногда участники похода объективно заявляли, что

<sup>36</sup> Французы в России... С. 267.

<sup>37</sup> Ла Флиз де. Поход Наполеона в Россию в 1812 году. С. 39.

<sup>38</sup> Le Moniteur Universel. 1812, dimanche, 4 octobre. № 278. P. 1.

<sup>39</sup> Le Moniteur Universel. 1812, mercredi, 7 octobre. № 281. P. 1.

<sup>40</sup> Le Moniteur Universel. 1812, samedi, 10 octobre. № 284. P. 1–2.

<sup>41</sup> Промыслов Н.В. Представления о России в письмах участников похода Великой армии 1812 года // Уральский исторический вестник. 2012. № 1(34). С. 47.

<sup>42</sup> Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812. P. 49.

причиной опустошения территорий, по которым они проходили, была война. Так, генерал гр. М.В. Латур-Мобур 31 августа 1812 г. докладывал начальнику Главного штаба Великой армии маршалу Л.А. Бертье: «Все деревни [между Юхновым и Вязьмой] пустынные и разграблены и не могут предоставить никакого пропитания ни для людей, ни для лошадей»<sup>43</sup>. Курьер Главного штаба Бастье писал 17 октября 1812 г. из Гжатска: «Мы здесь настолько несчастны, насколько это возможно в пустынной стране, где не осталось ничего, кроме огня и пламени, которые русские каналы, спасаясь, устроили повсюду»<sup>44</sup>. Несколько особняком стоят письма Э. Мунье (чин неизвестен), который сравнил территорию бывшей Польши с коренной Россией, отдав предпочтение последней. «Истинная Россия», несмотря на «маленькие и нищие деревни», показалась ему более обустроенной, а русские, на его взгляд, «более приятная нация», чем поляки («бороды, которые они носят, длиннее и придают им вид более мужественный и гордый, что им особенно идёт») <sup>45</sup>. Довольно часто в письмах упоминаются нападавшие на обозы, курьеров и фуражиров казаки, которых французы сравнивали с мамлюками, служившими одним из символов восточной дикости и варварства<sup>46</sup>.

Тезис о том, что французам в 1812 г. пришлось сражаться не только с русской армией, но также с суровым климатом, природными стихиями, бесконечными пустынными пространствами и полудиким местным населением, занял значимое место и в мемуарах наполеоновских солдат и офицеров, на страницах которых Русская кампания нередко представлена как очередной этап эпической борьбы цивилизации и варварства. В исторической литературе уже обращалось внимание на то, что корреспонденция и мемуары французских участников войны 1812 г., содержавшие бесконечные жалобы на лютый холод и всевозможные лишения, а также заявления самого Наполеона о решающем влиянии зимы на постигшее его поражение (см., например, 29-й бюллетень Великой армии) привели к закреплению в исторической и культурной памяти Франции положения, что наполеоновскую армию победили не русские войска и народное сопротивление, а «генерал Мороз» (или «генерал Зима») <sup>47</sup>. При этом, как справедливо заметил Н.В. Промыслов, «мало кто из участников похода задумывался о роли интендантских служб в неудовлетворительном снабжении продуктами, фуражом и тёплыми вещами. Гораздо чаще тяжёлые бытовые условия списывались на особенности страны. Такое объяснение было проще и, в конечном счёте, не бросало тень на императора, культ которого, без сомнения, был очень силен в армии, не наводило на мысль, что именно он виноват в катастрофическом исходе войны» <sup>48</sup>.

Тема русского варварства особенно активно эксплуатировалась наполеоновской пропагандой во время Французской кампании 1814 г. с целью поднять против русских войск движение народного сопротивления. С помощью карикатур, памфлетов и даже официальных бюллетеней в сознание населения Франции всячески внедрялся образ казака — варвара, вора, насильника и пожирателя

<sup>43</sup> Промыслов Н.В. Представления о России... С. 48.

<sup>44</sup> *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812.* P. 173.

<sup>45</sup> Промыслов Н.В. Представления о России... С. 48—49.

<sup>46</sup> Там же. С. 51.

<sup>47</sup> См., например: Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М., 2012. С. 66—77; Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России... С. 227—238.

<sup>48</sup> Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России... С. 214—215.



детей. В. Гюго, которому было в то время 12 лет, вспоминал об этом так: «Все стены домов покрыты были огромными изображениями казаков в мохнатых шапках, с зверскими лицами, со свирепо вытаращенными глазами, с поднятыми копьями, обогранными кровью, с ожерельями из человеческих ушей и часовых цепочек. Некоторые были изображены поджигающими хижины поселян и греющими руки у пылающих деревень. Париж был весь увешен этими лубочными пугалами, к которым Наполеон прибег как к последнему средству»<sup>49</sup>.

Внешний вид и образ действий русских войск, прибывших во Францию, в значительной степени смог развеять эти враждебные стереотипы. А.И. Михайловский-Данилевский писал: «Они (французы. — Л.М.) воображали найти в нас людей необразованных... говорящих языком для них непонятным, в странных одеждах, с зверскою улыбкою, предающихся грабежу, и не могли поверить глазам своим, видя красоту русских мундиров... весёлую наружность воинов... ласковое обращение офицеров и слыша остроумные ответы их на французском языке. “Вы не русские, — говорили они нам, — вы, верно, эмигранты”»<sup>50</sup>.

Как и следовало ожидать, предметом особого интереса французов (особенно парижан) стали казаки. Эти иррегулярные воинские части, которые расположились в Париже прямо под открытым небом, разбив бивуаки на Елисейских полях и Марсовом поле, на два месяца оккупации французской столицы союзными войсками стали для местных жителей одной из главных достопримечательностей. Поглазеть на казаков ежедневно приходила масса обывателей. Интересно, что в многочисленных свидетельствах об этом современников, как правило, отмечается не только экзотический вид казаков (необычные военная форма и вооружение), но также их доброжелательность и миролюбие. Так, в одной из наиболее популярных парижских газет «*Journal des débats*» сообщалось: «Большая часть жителей Парижа отправляется на Елисейские поля, чтобы посетить бивуаки союзных войск. По большей части это кавалеристы Российской императорской гвардии необыкновенного размера и силы. Многие кажутся ростом шесть футов... Удивительно, что люди и лошади сохранились в таком хорошем состоянии после того, как они пересекли так много отдалённых стран и выдержали частые бои, а также претерпели суровую и продолжительную зиму... Остатки сена, которое лошади не съели, служат солдатам постелью. Тюки соломы, подвешенные к скрещенным железным копьям, расставленным вокруг деревьев, образуют своего рода крышу, которая укрывает всадников и их припасы. Перед каждой лачугой на костре солдаты готовят еду, один режет саблей куски скота, другой колет дрова, чтобы их приготовить; этот чинит подковы своей лошади; тот чистит и полирует оружие, другие отдыхают на лежащих конях. Многих из них забавляют наблюдения, которые прогуливающиеся делают над их костюмами и обычаями; ответы же, даваемые ими на множество предлагаемых им вопросов, кажутся непонятными, но всё же отчасти воспринимаются по их выразительным жестам, изображающим доброжелательность, доброе согласие и сердечность»<sup>51</sup>. Эта газетная заметка перекликается с воспоминаниями графини Э.-А. де Буань: «Удивительным зрелищем для глаз и для умов были эти донские жители, мирно жившие согласно своим

<sup>49</sup> Виктор Гюго и его время, по его запискам, воспоминаниям и рассказам близких свидетелей его жизни / [Пер. с франц. Ю.В. Доппельмайер]. Изд. 2. М., 1890. С. 192.

<sup>50</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1814 года // Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары. 1814–1815. СПб., 2001. С. 41.

<sup>51</sup> *Journal des débats, politiques et littéraires*. 1814, vendredi, 8 avril. P. 3.

привычкам и обычаям посреди Парижа... Их униформа была очень красивой: широкие синие штаны, туника из плотной шерстяной ткани, также синяя, с простёганной грудью и туго перехваченная широким поясом из блестящей чёрной кожи, со сверкающими медными пряжками и украшениями. За пояс было заткнуто их оружие. Этот полувосточный костюм и их странная посадка на лошади (они почти стояли, поскольку высота их седла позволяла им не сгибать колени) сделали казаков предметом любопытства всех ротозеев Парижа. Они не возражали, чтобы люди к ним подходили. В особенности это касалось женщин и детей, которые стали буквально ездить на них... Время от времени они забавлялись тем, что издавали что-то вроде ворчания; любопытные женщины отшатывались в ужасе. Тогда... они хохотали от души, и те, кого они успели напугать, смеялись вместе с ними»<sup>52</sup>. Гюго вспоминал, что «в казаках они не нашли никакого сходства с их изображениями: не только из человеческих ушей, но и никаких ожерелий на них не было, часов они также не крали и домов не поджигали; напротив, они держали себя очень смирно и вежливо и относились к Парижу с каким-то особенным почтением. Очевидно, он поражал их своим великолепием, и они чувствовали себя как-то неловко, словно стыдясь своего вторжения»<sup>53</sup>. Англичанин Т.Р. Андервуд, также заглянувший во время прогулки на Елисейские поля, отозвался о казаках гораздо более грубо: «Взорам представала лишь беспорядочная орда варваров с границ Дона, из пустынь Татарии и с берегов Каспийского моря. Казалось, что время отступило назад, и перед нами предстала другая эпоха, другое состояние общества и другие люди». Впрочем, и он был вынужден признать, что не заметил «ни малейшей склонности к дерзости у какой-либо из союзных армий; напротив, все они проявляли доброту и мягкость, которые отнюдь не могли быть следствием одной лишь дисциплинированности»<sup>54</sup>.

Наряду с положительными характеристиками казаков, данными французами в 1814 г., существует также немало отрицательных отзывов о них, которые относятся, как правило, к началу Французской кампании. Это заставляет предположить, что на мемуаристов оказали влияние испытываемый ими страх перед неизвестностью, пропагандистские клише, а порой и желание преувеличить увиденное ради красного словца. Так, профессор шомонского колледжа П. Дарден, бывший свидетелем вступления казаков в Шомон, в январе 1814 г. в письме другу, проживавшему в Сен-Жироне, представил их как полулюдей-полузверей: «Я уверен, мой друг, Вы никогда не видели казаков. Не сожалейте об этом: это не слишком интересное животное, хотя по праву завоевания оно и обитает в окрестностях Азовского моря, на берегах античного Танаиса. Представьте себе людей довольно подозрительного вида, среднего роста, бородатых, как козлы, и уродливых, как обезьяны... У них нет униформы, они носят одежду разных цветов, часто изорванную или штопаную. Эти казаки — попросту русский сброд. И это — покорители Франции! До какой же степени унижения мы дошли!»<sup>55</sup>.

Помимо казаков неизгладимое впечатление производили на французов и другие представители иррегулярных русских войск, в частности, башкиры. Одетые в национальные одежды, вооружённые луками и стрелами, они выгля-

<sup>52</sup> Цит. по: *Рэй М.-П.* 1814. Царь в Париже. С. 177–178.

<sup>53</sup> Виктор Гюго и его время... С. 193.

<sup>54</sup> Цит. по: *Рэй М.-П.* 1814. Царь в Париже. С. 176–177.

<sup>55</sup> Там же. С. 165–166.

дели ещё более экзотично и заслужили у местных жителей прозвище «северные амурь».

Личные контакты, позволившие населению Франции если не совсем отбросить, то существенно скорректировать ряд пропагандистских клише в отношении русских военных, привели также к ряду объективных наблюдений за особенностями их менталитета. Одной из подмеченных черт стала религиозность русских. По свидетельству А.И. Михайловского-Данилевского, «парижане... были крайне удивлены, видя, что государь и офицеры, принадлежавшие к его свите, ежедневно посещали церковь»<sup>56</sup>. В «*Journal des débats*» спасение русскими Парижа от разграбления, несмотря на полное «право мстить за столько причинённых им оскорблений», объяснялось религией: «Никакая другая человеческая причина не могла побудить их к тем жертвам, которым нет примера в истории народов»<sup>57</sup>.

Что касается восприятия французов русскими, то следует отметить, что довоенные стереотипные представления о Франции русского дворянства в ходе войны 1812–1814 гг. претерпели серьёзную трансформацию. Воспитанные французскими гувернёрами, говорившие по-французски русские офицеры привыкли считать Францию государством, во многих отношениях приближённым к идеалу, а Париж — законодателем мод и столицей мира. До Отечественной войны 1812 г. проживавшие в России французские эмигранты почти с благоговением принимались в лучших домах Санкт-Петербурга и Москвы. Согласно критическому замечанию писателя Р.М. Зотова, «при слове *француз* все чувстваталяли, все губы улыбались... Француз везде был принят, обласкан, француз всегда был умён и во всём прав»<sup>58</sup>. С началом войны многое изменилось: сначала внешне и даже нарочито («французский язык был изгнан из гостиных и зал большого света»), а затем более осознанно и глубоко. Поведение наполеоновских солдат, грабивших и осквернявших православные храмы, вызывало изумление и негодование в разных слоях русского общества. Через всю антинаполеоновскую пропаганду красной нитью стало проводиться противопоставление безбожной, отвергающей нравственные принципы наполеоновской Франции и православной, руководствующейся велениями совести России<sup>59</sup>. В особом «Известии о состоянии Москвы» от 17 октября (ст. ст.) 1812 г. имевшее место накануне войны подражание Франции признавалось ошибочным и говорилось о необходимости порвать с ней «все нравственные связи», возвратившись к чистоте и непорочности «наших нравов»<sup>60</sup>.

Таким образом, Отечественная война 1812 г., поколебав имевшееся у русских офицеров стереотипное представление о французах, в то же время вызвала дополнительный интерес к ним. Переходя через границу Франции в первые дни 1814 г., они хотели собственными глазами увидеть, что же на самом деле представляет собой эта вожденная страна.

<sup>56</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1814 года. С. 52.

<sup>57</sup> *Journal des débats*... 1814, vendredi, 8 avril. P. 3.

<sup>58</sup> Зотов Р.М. Два брата, или Москва в 1812 году. М., 2012. С. 152–153.

<sup>59</sup> Подробнее см.: Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007; Отечественная война 1812 года в культурной памяти России; Мельникова Л.В. Антинаполеоновская пропаганда в России 1806–1814 гг.: формирование образа внешнего врага // Французский ежегодник 2013... С. 162–178.

<sup>60</sup> Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 50–57.

Первые впечатления русских офицеров от увиденного, записанные образно и эмоционально, выражают недоумение и разочарование авторов. Разорённая революцией и двадцатилетием непрерывных войн страна не только не соответствовала стереотипному идеалу, но и не выдерживала сравнения со Швейцарией и германскими государствами, где недавно побывали наши военные. Например, полковник М.И. Каховский писал: «Право, я не знаю, что так много наши господа обожатели французов говорят о Франции, земля эта, как и все другие, и мне нисколько не нравится»<sup>61</sup>. Ф.Н. Глинка отмечал: «“La belle France! Прелестная Франция! — восклицают беспрестанно французы-учители. — Вот земной рай!.. Переезжаю за Рейн — и где votre belle France! Где ваша прелестная Франция!.. Ужасно опустелые края, земля нагая, деревья увядшие и повсеместное безлюдье»<sup>62</sup>. Одна из наиболее резких оценок принадлежит кн. А. Щербатову: «Ну! брат, уж земелька хваленая Франция. Не стоит выеденного яйца. Учителя наши нас обманули, я и не вообразал найти такую дрянь»<sup>63</sup>.

Французские деревни и жилища местных крестьян произвели на русских военных угнетающее впечатление. «Здесьние деревни совершенно бедные и без войны, — писал Каховский, — домики маленькие и как клетки»<sup>64</sup>. «Здесьние деревни, — вторил ему Глинка, — совсем не то, что немецкие: тут нет ни красивых улиц, ни светлых домиков, ни порядка, ни опрятности... улицы в навозе, народ в лохмотьях»<sup>65</sup>. Впрочем, Глинке понравились живописные окрестности Меца, покрытые садами и виноградниками, и «хорошо обстроенные» сёла и деревни около Парижа<sup>66</sup>. Наконец, его подлинное восхищение вызвали ровные дороги (видимо, сказалось сравнение с российским бездорожьем)<sup>67</sup>.

Во французских постройках, в том числе принадлежавших лицам высших сословий, русских офицеров больше всего расстраивало отсутствие нормального отопления. Большая часть домов отапливалась лишь каминами, не способными в достаточной мере прогреть воздух. Михайловский-Данилевский писал: «Квартиры наши во Франции были самые невыгодные; дома французов строятся не для зимы, а для лета, и потому холод в горницах их был для нас, привыкших к теплу, нестерпим»<sup>68</sup>.

Особенно любопытны высказывания русских офицеров о французах. Михайловский-Данилевский писал: «Жителей Франции мы нашли несравненно на низшей степени образованности, нежели немцев... Я часто говорил с французами различных состояний, ибо квартировал то у помещиков, то у крестьян, то у купцов, то у духовных, и во всех находил мало просвещения, и в редком — патриотизм»<sup>69</sup>. Поручик Н.Н. Муравьёв отмечал: «Жители были бедны, необходимы, ленивы и в особенности неприятны. Француз

<sup>61</sup> [Каховский М.И.] Записки генерала Каховского о походе во Францию в 1814 году // Русская старина. 1914. № 2. С. 456.

<sup>62</sup> Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян противу французов, в 1805 и 1806, также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. Ч. 7. М., 1815. С. 118–119.

<sup>63</sup> Письмо кн. А. Щербатова В.И. Похвисневу, 28 февраля 1814 г. // Шукшинский сборник. Вып. 9. М., 1910. С. 189–190.

<sup>64</sup> [Каховский М.И.] Записки генерала Каховского... // Русская старина. 1914. № 3. С. 680.

<sup>65</sup> Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... Ч. 7. С. 127.

<sup>66</sup> Там же. С. 133, 200.

<sup>67</sup> Там же. С. 121.

<sup>68</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1814 года. С. 28.

<sup>69</sup> Там же. С. 28–29.

в состоянии просидеть целые сутки у огня без всякого занятия и за работу вяло принимается. Едят они весьма дурно вообще как поселяне, так и жители городов; скряжничество их доходит до крайней степени; нечистота же отвратительная как у богатых, так и у бедных людей. Народ вообще мало образован, немногие знают грамоте... даже городские жители»<sup>70</sup>.

Слыша чистую французскую речь из уст представителей самых низших слоёв общества, русские офицеры ощутили, по словам поручика И.Т. Раджицкого, «ничтожность нашей моды»<sup>71</sup>: «Языком, которым у нас щеголяют все модники большого света, здесь всякая дрянь болтает»<sup>72</sup>.

Описывая одежду местных жителей, многие мемуаристы обращали внимание на сабо — деревянные башмаки, или, как называл их Глинка, «выдолбленные колодки на ноги»: «Наши лапти гораздо красивее, легче и покойнее. Но вывези к нам сабо — и чего доброго! они как раз войдут в употребление и будут в чести!»<sup>73</sup>.

Осматривая город Нанси, Каховский обратил внимание на кафедральную церковь, которую французы во время революции «совершенно оголили», и пустой пьедестал, где прежде стояла статуя короля Людовика XV, и испытал «какое-то невольное отвращение... к народу, могшему истребить законного государя... и теперь рабски повинующемуся тирану, проливающему кровь их для собственной славы»<sup>74</sup>.

Именно в революции большинство мемуаристов видят корень зла и причину бедствий современной им Франции. По словам Глинки, «*Революция* — значит *переворот* и, конечно, во Франции всё перевернулось». Прежде «Франция молилась, пела и любила государей своих. Но... настали другие времена и привели с собой другие нравы... “Свобода! братство! равенство! или смерть!” — кричал беснующийся народ, но свобода, братство и равенство были только на языке и в мечтах, а смерть» и разрушение «на самом деле»<sup>75</sup>. Раджицкий отметил, что видел во Франции «liberté et égalité под бременем неограниченного деспотизма»<sup>76</sup>.

Проезжая по Франции, многие офицеры отметили наличие среди местного населения антинаполеоновских настроений. Попытка Наполеона объявить всеобщую мобилизацию и поднять восстание не удалась. «Чувство народной чести не было во французах столь сильно, как в русских, — писал Михайловский-Данилевский. — Некоторые деревни, однако же, вооружились, но вред, ими нам нанесённый, не был значителен»<sup>77</sup>. Уставшие от бесконечных войн французы ждали мира и надеялись, что приход союзных войск принесёт с собою окончание их бедствий. Многие мемуаристы определяли состояние мирного населения Франции в начале кампании 1814 г. как «равнодушие» («ступор», «оцепенение»). По словам Михайловского-Данилевского, «французы равнодушно внимали голосу правительства, и при нашем вступлении говорили толь-

<sup>70</sup> [Муравьёв Н.Н.] Записки Н.Н. Муравьёва. 1814 и 1815 годы // Русский архив. 1886. Кн. 1. № 2. С. 75.

<sup>71</sup> Раджицкий И.Т. Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. Ч. 3. М., 1835. С. 37; см. также: Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... Ч. 7. С. 129.

<sup>72</sup> Раджицкий И.Т. Походные записки артиллериста... Ч. 3. С. 37.

<sup>73</sup> Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... Ч. 7. С. 137.

<sup>74</sup> [Каховский М.И.] Записки генерала Каховского... // Русская старина. 1914. № 2. С. 458.

<sup>75</sup> Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... Ч. 7. С. 123–125.

<sup>76</sup> Раджицкий И.Т. Походные записки артиллериста... С. 33.

<sup>77</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1814 года. С. 30.



ко о мире. Они ходили с мрачным, потупленным взором, с холодной вежливостью принимали постояльцев, и слышны были только их общие желания, чтоб скорее кончилась война»<sup>78</sup>. В дальнейшем, по его же признанию, к «холодной вежливости» добавились и более тёплые эмоции: «Что признательность к нам французов была искренняя, а не притворная, то доказывается между прочим тем, что многие селения (*communes*) просили, чтобы к ним перевезли русских раненых офицеров, дабы оказать им всякое вспомоществование, зависящее от человеколюбия»<sup>79</sup>. Упомянутое мемуаристом вооружённое сопротивление некоторых деревень М.-П. Рэй объясняет действием не призыва Наполеона к общему восстанию, а грабежей, имевших место со стороны союзных армий<sup>80</sup>.

Кульминацией впечатлений от Франции стало для русских военных пребывание в Париже. Описывая торжественное вступление в город союзных войск 31 марта 1814 г. и «восклицания радости» местных жителей, Н.Н. Муравьёв назвал французов «непостоянным народом»<sup>81</sup>. Полковник А.Г. Краснокутский, описывая восторг, с которым парижане встречали Александра I («все с жадностью устремляли глаза на государя... бросали вверх шляпы, шапки; преграждали улицы; хватались за его коня», кричали «Да здравствует император Александр, воскреситель Бурбонов!»), отметил: «Сие неограниченное исступление едва ли свойственно великому народу. Давно ли Буонапарте, чтимый ими за Бога, подобными восклицаниями был встречаем во время наглого побега своего из России?.. Необдуманные переходы из одной чрезвычайности в другую означают ветреность характера»<sup>82</sup>.

К выводу о непостоянстве и ветрености французского народа приходили многие русские офицеры. В качестве примера, иллюстрирующего эти отличительные черты французов, мемуаристы приводили, как правило, попытки парижской толпы свергнуть статую Наполеона с Вандомской колонны на одноимённой площади. В частности, Михайловский-Данилевский писал: «На колонне сей, сооружённой в честь побед французских войск, поставлена была статуя Наполеонова, над которою народ с самого вступления нашего в Париж ругался. Он привязывал неоднократно верёвку к статуе и таким образом тащил её вниз при ужасных криках; однажды один француз взлез на плечи оной и бил её по щекам»<sup>83</sup>. Попытки парижан свергнуть статую Наполеона с вершины Вандомской колонны уже в день вступления в Париж союзных войск зафиксированы и французской прессой<sup>84</sup>. Сообщалось также об устранении французами и других изображений, напоминавших о правлении Наполеона. Так, газета «*Journal des débats*» писала, что вечером 1 апреля 1814 г. в оперном театре, где ожидали прибытия монархов России и Пруссии, «несколько голов потребовали снести орла, чьи крылья раскинулись над ложей Бонапарта». Поскольку эта операция требовала определённого времени, перед спектаклем французы ограничились тем, что накрыли скульптуру белым покрывалом, но

<sup>78</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Описание похода во Францию в 1814 году. Ч. 1. СПб., 1836. С. 60–61.

<sup>79</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1814 года. С. 55.

<sup>80</sup> Рэй М.-П. 1814. Царь в Париже. С. 72.

<sup>81</sup> Муравьёв Н.Н. Записки Н.Н. Муравьёва... С. 102.

<sup>82</sup> Краснокутский А.Г. Взгляд русского офицера на Париж во время вступления Государя Императора и союзных войск в 1814 году. СПб., 1819. С. 2–3.

<sup>83</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1814 года. С. 52.

<sup>84</sup> *Journal des débats*... 1814, vendredi, 1 avril. P. 2.



сразу «после зрелища» «орёл упал»<sup>85</sup>. Французские газеты неистово ругали Наполеона, называя его «тираном», «монстром», «чудовищем», «чужаком для нашей родины», «виновником всех общественных бедствий»<sup>86</sup>. Интересно, что среди обвинений в адрес бывшего французского императора было также отступление от религии. Так, в «Journal des débats» сообщалось: «Бонапарт был атеистом, он говорил только о судьбе... Будучи первым консулом, он хотел быть включённым в “Словарь атеистов”; и именно от астронома Лаланда, автора этого словаря, мы узнали этот факт»<sup>87</sup>. Считалось символичным то, что Наполеон отрёкся от престола во дворце Фонтенбло, где прежде держал в заключении папу римского Пия VII<sup>88</sup>. Встречались даже намёки на некоторую демонизацию его личности. Например, одно из сообщений гласило: «Напрасно мы искали имя Наполеона во всех древних календарях и в житиях святых; его нигде не было, кроме “Деяний святых” болландистов; но этот Наполеон был не святой. Это был, напротив, очень злой демон, который пять лет подряд с удовольствием жестоко мучил тело бедной женщины и от которого она была избавлена лишь по заступничеству святого»<sup>89</sup>. Возвращаясь к статуе Наполеона на вершине Вандомской колонны, следует отметить, что её снятие, состоявшееся 8 апреля 1814 г. по распоряжению «нового временного правительства», сопровождалось, по утверждению парижских газет, «аплодисментами огромной толпы, спешившей со всех районов Парижа»<sup>90</sup>. При этом, по свидетельству артиллерийского офицера И.С. Жиркевича, реакция парижан на это действие оказалась более чем сдержанной: «Народу собралось несколько тысяч, но такая была тишина, что слышно было каждое слово распорядителя работами; статую спустили, и народ разошёлся в безмолвии»<sup>91</sup>. Это, безусловно, свидетельствует о неоднозначных общественных настроениях в городе.

Российский император, решивший пощадить Париж и спасти его от разграбления, сразу стал предметом практически всеобщего поклонения. Его называли «великодушным», «северным Агамемноном», «царём царей», «императором Европы», «ангелом мира». Парижские газеты практически ежедневно сообщали обо всех его передвижениях по городу, неизменно подчёркивая при этом, что он пересекает встречающую его толпу в сопровождении лишь нескольких офицеров своего штаба, и повсюду бывает встречаем «тысячекратными» возгласами: «Да здравствует Александр!». Остроумные высказывания российского императора, произнесённые во время этих прогулок, также попадали на страницы газет, их характеризовали как «трогательные, возвышенные и великодушные». Протицирую пару таких сообщений: «Его Величество, проходя перед колонной на Вандомской площади, глядя на статую Бонапарта, сказал окружавшим его сеньорам: “Если бы меня поместили так высоко, у меня закружилась бы голова”»; «“Уже давно, государь, — сказали [француз] российскому императору, — вашего приезда ожидали и желали в Париже”. “Я бы раньше к вам прибыл, — ответил монарх, — вините в моём промедлении

<sup>85</sup> Journal des débats... 1814, dimanche, 3 avril. P. 2.

<sup>86</sup> Ibid. P. 3; Journal des débats... 1814, lundi, 4 avril. P. 2.

<sup>87</sup> Journal des débats... 1814, vendredi, 8 avril. P. 2.

<sup>88</sup> Ibid.

<sup>89</sup> Journal des débats... 1814, dimanche, 10 avril. P. 1.

<sup>90</sup> Journal des débats... 1814, samedi, 9 avril. P. 2.

<sup>91</sup> Записки И.С. Жиркевича. 1789—1848 // Русская старина. 1874. № 12. С. 659.

храбрость ваших войск”»<sup>92</sup>. Широкое освещение в прессе получил также вос- торженный приём, оказанный союзным монархам 1 апреля в оперном театре, где известный французский актёр Лаис перед началом спектакля пропел на мелодию национальной песни «Да здравствует Генрих IV!» два свежих купле- та, посвящённых соответственно королю Пруссии и императору России, чем «довёл энтузиазм до предела». Куплет в честь российского императора гласил: «Да здравствует Александр, / Да здравствует сей царь царей, / Не предъявля- ющий никаких притязаний, / Не диктующий нам законы, / Сей августейший государь / Обладает тройной доброй славой: / Героя, справедливого человека / И возвращающего нам Бурбона»<sup>93</sup>. По словам Михайловского-Данилевского, «в скором времени» эта песня («в особенности последний куплет оной, отно- сящийся до [российского] императора») «сделалась народной», по требованию зрителей её исполняли «во всех театрах»<sup>94</sup>.

Следует отметить, что отношение парижан к Александру I не менялось, в то время как общее восприятие союзных войск в течение двух месяцев их пребывания в городе эволюционировало от эйфории до напряжённости, раз- дражительности и даже определённой враждебности. Полицейские бюллетени и другие источники зафиксировали во второй половине апреля — мае 1814 г. многочисленные стычки французских военных с союзными, в том числе рус- скими, офицерами. Причём в эти ссоры нередко вмешивались на стороне французов и мирные жители. Поводом для дуэлей часто становились попытки французских военных сорвать с головных уборов союзников зелёные ветви, которые те носили. Имели место даже попытки сорвать с груди русских офице- ров серебряные медали за Отечественную войну 1812 г. Подобные настроения М.-П. Рэй объясняет тем, что французы считали невыгодными условия переми- рия, а затем и мирного договора. В подтверждение она цитирует полицейские бюллетени от 4 мая и 28 мая 1814 г.: «В целом состояние умов сейчас такое, что все действия союзных монархов толкуются в дурную сторону, тогда как вначале их воспринимали куда более благожелательно. Впрочем, общественное мнение всегда выделяет императора Александра, но многих людей не удаётся переубе- дить в том, что Пруссия и Австрия требуют огромной контрибуции»<sup>95</sup>; «В об- щественных местах продолжают вовсю заниматься политикой. Условия мира, в той мере, в какой они известны, не удовлетворяют национальную гордость. Как говорят, союзники заявили, что хотят видеть Францию великой и сильной. Чтобы она была такой, ей нужны завоёванные ею естественные границы, ко- торые пожелал перейти опрометчивый Бонапарт со своими амбициями... Люди досадуют на союзные державы, которые отнюдь не оказались столь умеренны- ми, как заявляли»<sup>96</sup>.

Как известно, Александр I во многом оправдал ожидания и впечатления французов, действительно проявив благородство и великодушие в определении дальнейшей судьбы Франции. При обсуждении условий первого Парижского мирного договора, подписанного 30 мая 1814 г., российский император, вер- ный идее «европейского равновесия», поддержал возвращение Франции к гра- ницам 1792 г., но не допустил её максимального ослабления и обременения

<sup>92</sup> Journal des débats... 1814, mardi, 5 avril. P. 1.

<sup>93</sup> Journal des débats... 1814, dimanche, 3 avril. P. 2.

<sup>94</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1814 года. С. 57.

<sup>95</sup> Рэй М.-П. 1814. Царь в Париже. С. 171.

<sup>96</sup> Там же. С. 171–172.

выплатой контрибуции. Под влиянием Александра I, полагавшего неправомерным прямой возврат к «старому режиму», французский король Людовик XVIII даровал своему народу конституцию. Даже в отношении Наполеона Александр проявил снисходительность: бывший французский император отрёкся от престола и переехал на остров Эльба, отданный ему во владение, в то время как союзники хотели применить к нему более жёсткие меры.

Генерал барон Ф.В. Остен-Сакен, которого российский император 31 марта 1814 г. назначил военным губернатором Парижа, в свою очередь, сделал всё возможное для того, чтобы успокоить население и поддержать порядок в городе. Его усилия не остались незамеченными. 30–31 мая 1814 г., накануне отбытия русских войск из Парижа, он получил целый ряд наград как с французской, так и с русской стороны: от короля Людовика XVIII — золотую табакерку с портретом и алмазами стоимостью 40 тыс. руб., от французской национальной гвардии — золотую шпагу, от Парижа — карабин, пару пистолетов и золотую шпагу с алмазами и надписью «Город Париж генералу Сакену», от императора Александра I — орден Св. Андрея Первозванного. В том же году Ф.В. Остен-Сакен был награждён французским орденом Св. Людовика 1-й степени<sup>97</sup>.

Что касается эмоций русских в Париже, то они также были смешанными. Эйфория первых дней уступила место внимательным и взвешенным наблюдениям. Письма и мемуары русских офицеров содержат крайне любопытные оценки, данные ими Парижу и особенно — парижанам.

Многие мемуаристы отмечают безмерную любовь парижан к зрелищам. Огромной популярностью у них пользовались театры, которым, по мнению А.Г. Краснокутского, действительно можно было отдать «первенство над всеми европейскими»<sup>98</sup>. Полковник М.М. Петров, посетив Парижскую оперу и так называемый Французский театр на ул. Ришелье, был «изумлён превосходным искусством оркестра, совершенством перспективы декораций, а всего более — дивною игрою театральных артистов Тальмы, Лаиса и других»<sup>99</sup>. Всевозможные представления шли также на улицах, где постоянно собирались толпы горожан. «На каждом почти шагу в Париже что-нибудь да показывают! — писал Глинка. — Кроме известных главных театров, множество шутовских и гаерских рассеяно по бульварам... В одном месте показывают *Китайские тени*, в другом — *искусственного слона*; там целую роту учёных чижей; далее болтливое общество попугаев... Слово *показывают* (on montre) вертится беспрестанно на языке парижан. С некоторого времени у них всё сделалось *показным* — и все великие происшествия как будто им были только *показаны*!.. В одном конце Парижа рубили головы, а в другом смеялись, говорили: “Там *показывают* действие гильотины!”»<sup>100</sup>.

В то время как парижские театры и другие увеселительные заведения были переполнены, церкви практически пустовали. Посетив несколько парижских храмов, И.Т. Раджицкий обратил внимание на то, что среди прихожан, кроме

<sup>97</sup> Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб., 2006. С. 596.

<sup>98</sup> Краснокутский А.Г. Взгляд русского офицера на Париж... С. 69–70.

<sup>99</sup> Петров М.М. Рассказы служившего в 1-м Егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трёх родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 г. // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания Отдела письменных источников Государственного исторического музея. М., 1991. С. 269.

<sup>100</sup> Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... Ч. 8. М., 1816. С. 216–217.

нескольких стариков и детей, находились только дамы, «бросавшие взгляды» на русских офицеров, «набожности ни в ком не было видно»<sup>101</sup>. По выражению Михайловского-Данилевского, «с начала революции» парижане «оставили религию»<sup>102</sup>. Своеобразной иллюстрацией к этому выражению служит запись поручика А.Д. Черткова: «Цирк Франкони занимает место, где до революции находился монастырь капуцинов. 20 лет назад там жили монахи. Но волею случая сейчас на месте церкви находится конюшня... А старинную церковь на улице Больших августинцев, сломав купол, превратили в рынок, где продают мясо, птицу и т.д.»<sup>103</sup>. Тем не менее подавляющее большинство парижских храмов в ходе революции уцелели, в чём Краснокутский увидел надежду на лучшее будущее: «Бесчисленность святых церквей и богоугодных заведений спасает испорченный нравами Париж от грозящей гибели!.. Добродетель борется ещё с умножающимися пороками!»<sup>104</sup>.

Полковник С.И. Маевский, рассказывая о своём пребывании в Париже, отметил свойственные парижанам «общий дух весёлости», «всеобщую вежливость» и «страсть к новостям». «Их стихия — новость, лёгкость и рассеяние, — пишет он, — их улицы и площади похожи на волну людей, сменяющую одна другую»<sup>105</sup>. Впечатления Маевского перекликаются с оценками Краснокутского: «Можно сказать, что Париж волнуется, как бурное море! Человеческие чувства истощаются излишеством удовольствий, нравственность истлевает, способности притупляются!»<sup>106</sup>. Парижан Краснокутский характеризует как весьма любезных, добрых и покорных, «когда [они] обузданы силою строгости. Склонны к вымыслам и изобретениям всякого рода; трудолюбивы, и вместе пристрастны к удовольствиям. Всему восхищаются без меры, всё опорочивают и во всём переменчивы. Одарены талантами, превосходным вкусом и каждую чужую вещь с насмешливостью осуждают... Любопытны и беззаботливы до крайности. Остроумны и храбры; тщеславны и честолюбивы. Отменно способны к наукам, художествам и к познаниям всех родов. Вкусный стол, женщины и публичные зрелища много их занимают. Постоянство в любви почитают они несносным игром... Они любят щёгольство, пышность, великолепие, роскошь, и всё сие совершенно их изнеживает... Часто жалуются на модные болезни. Все они любят проводить время в кругу прелестных нимф или на публичных гульбищах. Там пустословят они без умолку, и особенно судят о новостях, до которых все страстные охотники; стараются пересмеивать друг друга; для острых слов (*bon-mots*) не щадят даже и святыни... От пьянства удалены, а любят хорошее вино. Наконец, они воображают, что веселее и счастливее их никто в свете жить не может»<sup>107</sup>.

Одной из положительных сторон парижан Глинка считал их склонность к чтению: «Склонность сия господствует в Париже во всех состояниях народа...

<sup>101</sup> *Раджицкий И.Т.* Походные записки артиллериста... С. 162, 182.

<sup>102</sup> *Михайловский-Данилевский А.И.* Журнал 1814 года. С. 52.

<sup>103</sup> *Чертков А.Д.* Мой путевой журнал, или Дорожный дневник от берегов Рейна до Парижа и во время моего пребывания в этом городе // 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров Русской армии: Из собрания Государственного исторического музея. М., 1992. С. 435.

<sup>104</sup> *Краснокутский А.Г.* Взгляд русского офицера на Париж... С. 19–20.

<sup>105</sup> *Маевский С.И.* Мой век или история генерала Маевского. 1779–1848 // Русская старина. 1873. № 9. С. 284, 286–287.

<sup>106</sup> *Краснокутский А.Г.* Взгляд русского офицера на Париж... С. 68.

<sup>107</sup> Там же. С. 77–79.

В каждом доме увидишь книги, найдёшь семейные чтения. *Учёные общества*, которых в Париже очень много, в непрерывных занятиях; в типографиях вечное движение, и сколько б ни напечатали, всё раскупят!.. *Художники...* и *писатели* пользуются... всеобщим уважением... Если уже суждено *роком* нам, русским, передразнивать во всём парижан и слепо покоряться модам их: то почему вместо всего, что занимаем у них *худого*, почему не переймём *хорошего*? — Для чего, например, заражаясь их развратом, не заразимся страстью к чтению и не займём у них благородной склонности к ободрению наук, свободных художеств и к почитанию всего отечественного?»<sup>108</sup>.

Пребывание русской армии в Париже мало походило на его оккупацию. Многие офицеры ходили по городу не в военной форме, а во фраках, с интересом осматривали достопримечательности: Собор Парижской Богоматери, Лувр (М.М. Петров был в этом «музее» «более десяти раз» и назвал его «первейшим дивом Парижа и всего света»)<sup>109</sup>, Пантеон, Дом инвалидов, Тюильри и др. Особым интересом пользовался Пале-Рояль, представлявший собой, по выражению Краснокутского, «средоточие разнородных утончённых удовольствий и сладострастных прихотей, словом сказать: маленький Париж в большом Париже»<sup>110</sup>. В этом бывшем королевском дворце, национализированном в 1793 г. и ставшем общим достоянием Франции, в частности, располагались рестораны, игра в рулетку, публичный дом и ссудная касса. Прапорщик И.М. Казаков называет это место «самым приятным, весёлым и, вместе с тем, самым пагубным»<sup>111</sup>, А.Д. Чертков — «подробной и истинной картиной того, к чему приводит разгул страстей»<sup>112</sup>. Глинка отмечал: «Напиши подробную историю Пале-Рояля... и будешь иметь историю всех важнейших перемен во Франции, историю изменения нравов и упадка их»<sup>113</sup>. По мнению Краснокутского, «царское сие жилище преобразилось в скопище бесстыдства, соблазна и позора! Неможно никогда себе вообразить, до какой степени сумасбродные распутства заразили человечество... Беги, страшись, смиренная Россия, заимствоваться сими скотоподобными неистовствами! Процветай всегда под благословением Всещедрого Создателя! Да будет тебе нелicenseмное благочестие крепкою оградой от сих постыдных гнусностей!.. Тогда благоденствие и слава твоя никогда не поколеблются!»<sup>114</sup>. Однако, несмотря на утверждение мемуариста, что «благоразумный человек видит здесь ясно гнездо разврата и вместилище ужаснейших пороков»<sup>115</sup>, целому ряду русских офицеров не удалось побороть искушение и как следствие — избежать «модных» болезней. При этом Краснокутский подчеркнул также, что нравы и обычаи жителей французской столицы отнюдь не свойственны стране в целом: «Чистота нравственности во многих странах (регионах. — Л.М.) Франции не обрызгана ещё парижскою грязью; следственно, приписывать всему государству обольстительную картину Парижа было бы несправедливо»<sup>116</sup>.

<sup>108</sup> Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... Ч. 8. С. 243–245.

<sup>109</sup> Петров М.М. Рассказы служившего в 1-м Егерском полку полковника Михаила Петрова... С. 269.

<sup>110</sup> Краснокутский А.Г. Взгляд русского офицера на Париж... С. 59.

<sup>111</sup> Казаков И.М. Поход во Францию 1814 года // Русская старина. 1908. № 5. С. 358.

<sup>112</sup> Чертков А.Д. Мой путевой журнал... С. 433.

<sup>113</sup> Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... Ч. 8. С. 18.

<sup>114</sup> Краснокутский А.Г. Взгляд русского офицера на Париж... С. 62–63.

<sup>115</sup> Там же. С. 62.

<sup>116</sup> Там же. С. 1.



Основной чертой практически всех характеристик Парижа, данных русскими военными, является его противоречивость. Например, по словам Радожицкого, Париж — «столица роскоши, средоточие всех наук, искусств и удовольствий, Капитолий немногих добродетелей и лабиринт величайшего разврата»<sup>117</sup>. Краснокутский назвал его городом противоположностей: «великолепия и скудости, богатства и бедности, роскоши и нищеты... Он возвышается подобно Колоссу Родосскому первенством просвещения; но в той же степени унижается развратностью, утончённой к человеческой пагубе»<sup>118</sup>. Глинка отметил, что русские видели в Париже «много любопытного; немало хорошего и очень много худого»<sup>119</sup>. Прощаясь с городом, он полушутя произнёс: «Избави, Господи, от мора, потопа, огня и *Французского духа!* ... Разница между нами и вами, господа французы, ещё очень велика: *Москва* и *Париж* свидетельствуют в том!»<sup>120</sup>. Мысли Глинки перекликаются со сравнительной оценкой характеров двух наций, данной генерал-майором М.Ф. Орловым: «Мне кажется, ничто не сходствует так мало с истинным французом, как настоящий русский»<sup>121</sup>.

Таким образом, Отечественная война 1812 г. и кампания во Франции 1814 г. стали для русских и французов масштабным опытом контактов друг с другом. У тех и других прежде существовали определённые стереотипные представления о стране-противнике. Война 1812 г. в силу ряда причин не внесла каких-то существенных коррективов в довоенные суждения французов о России как о стране «северных варваров». На страницах писем и мемуаров французских участников Русской кампании 1812 г. речь нередко идёт о суровом климате, бесконечных пространствах, борьбе со стихиями и полудиким, невежественным населением. Формированию и закреплению подобных представлений в значительной степени способствовала и наполеоновская пропаганда, в частности, трактовка происходивших событий в бюллетенях Великой армии. В то же время пребывание русской армии в Париже в 1814 г. позволило мирному населению Франции если не отбросить, то существенно скорректировать ряд пропагандистских клише в отношении русских военных. Знакомство русских офицеров с французской действительностью привело к пересмотру имевшегося у них прежде образа Франции и определённой переоценке ценностей. Прежнее представление о Франции и французах как государстве и обществе, приближённых к идеалу, безвозвратно рухнуло. Вместо этого у русских офицеров сформировался иной, многогранный образ Франции, в котором присутствовали как достоинства, так и недостатки. Многие русские участники военной кампании 1814 г. при знакомстве с французской реальностью были разочарованы. Во многих источниках личного происхождения (как русских, так и французских) присутствует сравнение увиденного во время похода с собственной страной. Сопоставление традиций, поведения, культуры, религии, духовного развития французов и русских уже многим современникам позволило воспринимать войну 1812–1814 гг. не только как военно-политическое столкновение государств, но и как цивилизационный конфликт. Эта точка зрения имеет место и в современной историографии. Всё это отразилось на исторической и культурной памяти двух народов о событиях того времени.

<sup>117</sup> Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста... С. 133.

<sup>118</sup> Краснокутский А. Г. Взгляд русского офицера на Париж... С. I.

<sup>119</sup> Глинка Ф. Н. Письма русского офицера... Ч. 7. С. 191.

<sup>120</sup> Там же. Ч. 8. С. 174–175.

<sup>121</sup> Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 17.